

ПОРТРЕТ

КАК ГЕРОИ ИХ ПЕРВЫХ КАРТИН

О ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ тандеме кинорежиссеров — Александре Алове и Владимире Наумове написано много в периодике и специальной прессе. Фактически существует целая литература, особенно за рубежом (статьи в сборниках и ежемесячниках, буклеты, мини- и макси-монография). Несколько лет назад тандем распался жестокой волею судьбы.

Александр Александрович Алов, не дожив несколько месяцев до своего шестидесятилетия, внезапно скончался — буквально на «финишной прямой» съемок фильма «Берег» (по роману Юрия Бондарева).

За годы, прошедшие после смерти соавтора и друга, Владимир Наумович Наумов успел отснять полнометражный художественно-документальный фильм памяти ближайшего в творчестве человека — «Алов», «разукрупнил» для французского телевидения ранее поставленный двухсерийный детектив «Тегеран-43», доведя его до пяти серий, продолжил дальнейшее сотрудничество с Юрием Бондаревым, экранизировав его роман «Выбор», добился выхода на экран, по-моему, лучшего произведения своей творческой биографии («Скверный анекдот» по рассказу Достоевского 22 года пролежал на полке) и, наконец, основательно переработав некогда «запретный» сценарий «Закон», приступил недавно к съемкам этой кинофрески, посвященной острейшей теме «расчета» с тяжким прошлым — трагическим временем довоенных и послевоенных репрессий, «полосой» беззаконий культа личности...

— У меня позади пять неиспользованных отпусков, — признался мне в одной из бесед «по душам» Владимир Наумович. Художественный руководитель творческого объединения на «Мосфильме», народный артист СССР, «метр», мастер очень широкого диапазона — от романтической оды до сатирической гиперболы и фантазмагорического гротеска, — он человек большого трудолюбия... Лермонтовское, знаменитое «понять я не могу, что значит отдыхать», — это как бы и о нем...

Зная Наумова около двадцати лет, написав о нем, его лентах, писательских, режиссерских и живописных замыслах (он ведь рисует, да еще как!) не один десяток страниц; ежедневно перезваниваясь с ним на предмет «киноновостей», я все-таки не уверен, что знаю Наумова достаточно хорошо, чтобы с жесткой определенностью утверждать: «он вот такой, но не такой...»

Любимейший его писатель Достоевский, которого он с нежностью и почтением называет лишь по имени-отчеству — Федор Михайлович, — некогда, в «Братьях Карамазовых», про-

изнес устами своего Мити фразу, ныне общеизвестную, может, даже расхожую: «...Широк человек, слишком даже широк, я бы сузил».

Наверное, «для пользы» киноискусства Наумова тоже бы следовало «сузить»... Ведь явно на разрыв, на разнос, не лишком-то крепкого здоровья, работает один из создателей «Тревожной молодости», «Павла Корчагина», «Монеты», «Мира входящего», «Легенды о Тиле».

Сам придумывает и записывает сценарии своих кинокартин, сам изо дня в день «прокручивает» вместе с коллегами режиссерские замыслы целого объединения, сам пишет (а не подписывает чужими руками сварганенные) серьезные статьи-эссе (для издательства «Искусство» написал предисловия к уже вышедшему сборнику «Франсуа Трюффо» и готовящемуся сборнику «Жорж-Анри Клузо»).

И читает, читает без конца — молниеносно, но запоминая каждую из прочитанных страниц почти наизусть. Я впервые поразились его памяти лет пять-семь назад когда в разговоре о критиках Достоевского «и почти без записки процитировал огромные куски из работ Мережковского, Леонтьева, Лосского (их, эти работы, знают лишь немногие специалисты — философы, литературоведы). Бахтина и Бурсова, посвятивших Достоевскому жизнь, он уже не цитирует — пересказывает часами, как настоящие книги, как семейные предания...

А Булгаков? Знание Наумовым Булгакова, всех его текстов, всех подробностей его высокой и головокружительно трагичной жизни изумительно. В этом смысле у него, может быть, лишь один достойный и трогательный «соперник» — вдова Михаил Афанасьевича, Елена Сергеевна, которая югда-то плакала, смотря в маленьком, тесном рабочем зале «Мосфильма» первый, неурзанный вариант «Бега» (он тогда назывался «Путь в бездну»; потом название, показавшееся вдове чрезмерно эффектным, мудрейший Александр Александрович Алов посоветовал заменить на скромное, без затей: «Бег», по мотивам произведений Булгакова)...

Владимир Наумович — редкий эрудит. Я как-то раз вспомнил об одном из событий 60-х годов — приезде в Москву Жан-Поль Сартра на премьеру спектакля «Лиззи Мак-Рей» (с Любовью Орловой). Наумов прервал мои воспоминания зрителя торжественной премьеры, принявшись ругать недавно изданную «Философскую энциклопедию» за то, что в перечне трудов выдающегося француза автор статьи не назвал его роман «Тошнота».

В запале «разоблачительства» Наумов полез по полкам своей библиотеки искать оригинал (издательство «Галлимар», по его уверениям; позже я проверил — он не ошибся). Так и не нашел, воскликнул в сердцах:

— Опять заиграл кто-то из «этих», из «пишущих»... Хотя не подпускай никого к книгам... Безусловно, книги, литература — его страсть, его дыхание, кровная часть бытия.

Но для меня блеск его эрудиции никогда не заслонит точности осмысления им реальной жизни, ее повседневных забот. Наумов из любого пустыня, из житейской дребедени, какой-нибудь мелочи ничемной умеет и в разговоре, и на пленке извлечь поэтическую, завораживающую, волнующую сердце красоту. Импульсивный, острый, темпераментный, неукротимо взрывной в своих порывах, симпатиях и антипатиях, этот человек (режиссер, драматург, живописец, но прежде всего и более всего — поэт) к тому же обладает редкой фантазией. Он сутки напролет может «фантазировать», предлагая себе самому и собеседнику варианты эпизода, кадра, панорамы, мизансцены, диалога, монолога, наконец, фильма в целом.

Существует легенда, что покойный Алов, корректный и рассудительный, сдерживал, смирал буйные словесные и пластические, живописные экзерсисы Наумова. Не знаю. Я не

был тому свидетелем, хотя присутствовал на съемках нескольких их картин (ездил в Ригу смотреть, как сражаются флотилии в «Легенде о Тиле», наблюдал павильонные и натурные съемки «Тегерана-43», «Берега»). И никогда не слышал, чтобы сверхтактичный Алов прервал или хотя бы оспорил яростного, неистового друга и единомышленника Наумова. В этом тандеме никто друг друга не поправлял, не редактировал...

Алов и Наумов снимали вместе, со студенческих лет привыкнув чувствовать рядом локоть товарища, собрата по труду. Доверие их друг к другу, взаимопонимание и взаимоуважение не поддаются никаким привычным словесным формулировкам. Благодаря этому, благодаря слитности их талантов советское кино обрело ряд выдающихся картин.

Теперь союза больше нет. Нет режиссера Алов-Наумов. Есть режиссер Владимир Наумов. Со смертью Алова он потерял часть себя, своей натуры. Но до сих пор он верен идеалам своей тревожной молодости. Идеалам конца 50-х годов. Идеалам XX съезда КПСС, позвавшего к экрану целое созвездие киноталантов.

«Рукописи не горят», — писал Булгаков. Настоящая индивидуальность, настоящее дарование не увядают в неизбежной смене экранных кумиров.

На днях ему исполняется 60. Полно! «Все врут календари...» Он юн, стремителен и напорист, как лихие, боевые ребята, настоящие революционеры, герои их первых с Аловым комсомольских картин...

Дмитрий ШАЦИЛЛО.

Народный артист СССР В. Наумов.